Дом стоит буквой «Г», следующий за ним, если смотреть по главному проспекту, выходит фасадом на этот самый проспект, а за ним — опять буква «Г». Все три дома соединены огромными воротами чугунного литья и являют собой квартал от улицы Брестской до Новой. Этот квартал, внутри которого, разместились еще четыре пятиэтажных дома, был построен в самой середине двадцатого столетия для работников котельного завода. Красивое место, культурный и административный центр города — и вдруг для завода? Во-первых, во времена застройки место это не было еще ни культурным, ни административным центром, внутри каре, образованного буквами «Г», еще лет семь после заселения массива бельмом торчала избушка с огородом, сарайками, коровой — настоящее крестьянское хозяйство. Очевидно, до недавнего времени, рядом с ним были такие же усадьбы. Прозорливому гражданину, глядя на то, как выживали бабку с дедом и с их коровой полностью огорожавшие соседи (между прочим, не без потакания властей), стало бы ясно, что победа

в войне против городских коров и их хозяев уже в недалеком будущем случится окончательной и бесповоротной. Не так давно успешно воевали фашиста, что нам какие-то коровы! Но… Витька Пологин не был прорицателем хотя бы даже в силу своего возраста и, понятно, незначительной образованности. При чем тут Витька? Да просто он, как и многие его сверстники, постарше, помоложе и совсем взрослые, был одним из новоселов этих прекрасных домов с удобными теплыми квартирами, где были и кухня, и туалет, и даже ванна. Кочегарка под домом с вечной угольной грязью у подъездов, печи с дымоходами в квартирах — это ерунда по сравнению с удобствами. Кстати, печи просуществовали совсем недолго, уступив место электроплиткам и прочим нагревательным приборам.

Через улицу по той же стороне проспекта начинался другой квартал, который тоже был образован похожим каре из нескольких домов. То территория завода «Трансмаш». Неподалеку разместились кварталы моторного завода, комбината химволокна… Иногда юные жители кварталов схватывались друг с другом, бывало, бились до крови. За какие такие блага или места под солнцем — никто сказать не мог. Когда годы спустя у взрослого Пологина спрашивали об этом, он отвечал, без особой, впрочем, убежденности:

— Сытые стали, сила появилась… А с точки зрения биохимии — высвобождение энергии, как продукта окисления аминокислот и жирных кислот. Но… без включения головы.

Куда труднее даже для повзрослевшего уже Пологина был вопрос, кто из многочисленной дворовой детворы был сыном начальства, а кто отпрыском простых работяг? Как-то не наблюдалось заметного различия, а может, дети заводского руководства во дворы не выходили? Он начинал вспоминать: у Володьки отец литейщик, у Славки — токарь, у Нинки мать крановая, отца она вообще не видела, у Лехи батя модельщик… Вот Моня… Точно, у него отец инженер! Так Моня опять же первый футболист, забияка и двоечник. Свой!

Квартиры в домах были, в основном, двухкомнатные, реже — трех- и уж по счету на пальцах руки — директорские, четырехкомнатные. Пологины жили в двухкомнатной, с соседями. Их четверо (он с сестрой и родители) и соседей трое — молодая

пара с девочкой крохой. Дружить не дружили, но уживались как-то, даже не скандалили из-за места на кухне. Всем известно, этого самого места никогда не хватает, если приходится делить его на двух хозяек.

Пологин подрастал и томился отсутствием собственного пространства в квартире. Позднее, накопив разума, он ужаснулся мысли: каково было чувствовать на себе их семейную стадность сестре, которая старше его на шесть лет! И другое со временем стало приходить в голову, особенно когда к его детям начали цепляться всякие болячки. Он и его сверстники были здоровее и способнее к жизни, потому что при первой возможности убегали из дома и большую часть жизни проводили во дворах, находя друзей у баскетбольного кольца, а не в Интернете. Но понимание всего этого, как уже было сказано, пришло потом. Годами раньше он выходил на улицу и подолгу смотрел на большие окна (только в этих, директорских квартирах, были такие, трехстворчатые) в третьем этаже. Смотрел и завидовал.

Тогда жизнь была богата на события. Последовательности нынче и не припомнить, но происходило все одно за другим: снесли избушку деда с бабкой, вырыли на месте их усадьбы котлован, а через год снова зарыли и спустя несколько лет на этом месте начали строить спортивную площадку. Перевели дома на центральное отопление, убрав из подвала кочегарку, по двору вдоль всех домов котельного поставили красивые, с украшениями в виде шишечек чугунного литья фонарные столбы и зажгли на них матовые плафоны. Пологин навсегда оставил боты «Прощай, молодость», которые напоминали водолазные бахилы и надевались поверх ботинок. Из удовольствий — металлические баночки с монпансье (редко), пирожки с картошкой у лоточницы на углу (чаще), томатный сок в гастрономе напротив (чаще всего). Питие сока — ритуал: кладешь в черную пластиковую чашку десять копеек, продавщица нацеживает из большущей колбы ярко-красный сок (никому в голову не приходило, что он может быть разбавленным!), ты чайной ложечкой, которую достаешь из стакана с водой, набираешь из другого стакана соль (по вкусу) и не спеша размешиваешь ее. Потом возвращаешь ложечку на место и, отойдя в сторонку, медленно опустошаешь стакан.

Боже! Как давно, вкусно и безыскусно красиво все это было! Да и было ли? Сон!

Двор жил своей жизнью. Послевоенная детвора подрастала, гоняла мяч, жарила на костерках воробьев, сбитых из рогатки, каталась на плоту по водоему, который образовался в котловане на месте дедовой усадьбы. Плот из-за хилости конструкции то и дело распадался на составные части, и юные мореманы оказывались в грязной воде. За подпорченную одежду тогда нещадно пороли. Пологину однажды досталось даже за царапину на новом ботинке. Он понимал — за дело: обуви у всех в семье — по паре на душу населения.

Жизнь менялась к лучшему. Однажды Моня вынес во двор настоящие боксерские перчатки. Они пахли натуральной кожей и мечтами о грядущих победах. Мяч на время был забыт, бойцовские турниры проводились на детсадовской закрытой веранде, когда детишек разбирали родители и территория освобождалась. Однажды в бою с Юркой Терениным Пологин оступился и со всего маху ударился головой об ограждение веранды. Обидно, добро бы нокаут от соперника, а тут… Его увезли на скорой и продержали в больнице больше трех недель. Последствия? Да вроде бы никаких, разве что голова иногда побаливала…

В комплекс зданий котельного завода входит общежитие, самое обыкновенное заводское общежитие, какие в ту пору были у всех крупных предприятий. Потом они перестали выполнять свое назначение, перестраивались изнутри, превращаясь в обычные (иногда и не совсем обычные, смотря кто сколько метров жилплощади ухватит) квартиры. Но это все потом…

Общежитские насельники во дворе почти не появлялись, с работы — на работу, а в выходные — кому футбол на стадионе, кому танцплощадка, пиво и кино. Лишь один общежитский человек водил дружбу с юными дворовыми жителями, Леха Компот. Прозвище свое он получил за то, что на лице его тесно соседствовали шрамы от кулаков, кастетов, ожогов, следы от фурункулов, оспины и еще различные метки непонятного происхождения. Леха был из беспризорников, сидел по малолетке и официально своего койко-места в общежитии не имел, хотя и числился на за-

воде разнорабочим. Он кочевал по временно свободным углам, все это знали, общежитское начальство в том числе, но никто не возражал: постоялец вел себя тихо, ни у кого ничего в его присутствии не пропадало. Компот был невеликого роста, носил кепку-восьмиклинку, рубахи с воротом не по размеру и мешковатые пиджаки с подвернутыми рукавами. Ясно, что все на нем было с чужого плеча, народ вокруг трудовой и добрый. Леха здорово играл в футбол, во всяком случае, среди дворовой ребятни он, не выделявшийся ростом, казался мастером. Ходил в запасных и на игры заводской команды под названием «Циклон», даже, говорят, как-то гол забил главным соперникам — вагоноремонтникам. Но чаще гонял мяч во дворе, с мальчишками. Он не обижался на свою кличку, но никто из пологинских сверстников не позволял себе называть его Компотом.

Автобус седьмого маршрута подъезжал к остановке «Кинотеатр «Россия», это рядом с домами котельного.

— Бл..! — тихо, но отчетливо произнесла молодая женщина интеллигентного вида, в очках.

— Что? — вслух удивился крупный мужчина, фигурой похожий на борца.

— Сумочка! — так же тихо и гневно отозвалась женщина.

Пассажир-борец отреагировал мгновенно, выхватив из толпы тщедушного человечка. Со спины подросток, а лицо пожившего уже гражданина, видавшего виды.

— Я тебе говорил, чтобы ты в этот автобус не садился? — вопрошал борец, сдавливая могучей рукой шею воришки.

К тому со всех сторон тянулись руки — поучаствовать, но теснота была такая, что добраться до него никто не сумел, все только мешали друг другу. Карманник не сопротивлялся, он как бы обвис, сделался еще щуплее, казалось, жалкое тельце вот-вот выпадет из своего пиджака. Глаза его вопреки ситуации не выражали ничего. Не оторопь в них, не отрешенность, самое настоящее, химически чистое ни-че-го.

Потискав вора в своих железных объятиях, мощный пассажир забрал сумочку, подтолкнул его к открывшейся двери и предложил стоявшим у входа:

— Выпишите ему торца!

Кто-то пнул, да неловко, неумело, опять же из-за тесноты не размахнуться было. Карманник устоял на ногах и побежал в сторону дворов. Как бы не очень-то и торопясь. «Правильно соображает, — отметил наблюдавший эту сцену со ступенек заднего крыльца кинотеатра Леха Компот, — никто из толпы не погонится».

— А-а-а! — донеслось от остановки. — Кошелек!

Это кричала уже другая женщина, постарше. Очевидно, она обнаружила пропажу, выйдя на остановке. Стало быть, шустряк успел обработать не одну пассажирку. Автобус вздохнул дверями и пошел себе, оставив женщину плакать в одиночестве. Леха соскочил с крыльца и ловкой подсечкой сбил карманника с ног, придавил к земле.

— Гони лопатник!

Тот снизу посмотрел на Леху и сразу все понял. Так, с полувзгляда могут понимать друг друга те, кто прошел одну и ту же школу жизни. Им сразу становится ясным, кто кому должен подчиниться. Карманник молча протянул кошелек и пошел, отряхиваясь на ходу.

— Сегодня не твой день! — буркнул вслед Леха.

На остановке он сделал вид, будто поднял что-то из-за урны для использованных билетов.

— Не вы обронили?

Женщина остолбенела в счастливом недоумении, забыла поблагодарить Леху, а он и не стал дожидаться.

Возле общежития, как всегда, копались в мусорных ящиках придурочные сестры-двойняшки. Лет им было по двадцать, может, чуть меньше или больше, у дурочек сразу не разберешь. Всегда одинаково грязные, все в прыщах, волдырях и царапинах, они изъяснялись только матом. Глаголы, существительные, прилагательные — это само собой, но они умудрялись облечь в матюги и союзы, и всякие прочие служебные части речи. Это так, в мирном обмене мнениями друг с другом. Но если, не приведи бог, кто-нибудь обратится к ним или, хуже того, сделает замечание, начнется такое!..

— Здорово, сестренки! — весело приветствует парочку Леха Компот, а случайно оказавшиеся в это время во дворе знают: провоцирует!

Пауза. Взгляд поверх кучи мусора.

—Ах ты, с.., б.., п.., х.., ю!..

«А на Ю-то что может быть?» — поинтересуется непросвещенный. Ответ такой. Это авторская находка сестер, так сказать, эксклюзив.

— Вот это музыка! — восхищается Леха, наслушавшийся и насмотревшийся на зоне всякого.

Сестра Пологина была на шесть лет старше его, родилась в блокадном Ленинграде и была привезена сюда вместе с другими освобожденными из блокады и с оборудованием завода. Когда она после десятилетки поступила в техникум, брат ходил в шестой класс. К тому времени соседей уже отселили, и Пологины распоряжались всей двухкомнатной квартирой. Детям оттого радости прибыло немного, потому что им досталась комната с общим столом, мало того, здесь же помещался телевизор, который по вечерам приходили смотреть полподъезда. В общем, никакой отдельной жизни ни ему, ни сестре. Она, взрослеющая, имела право отсутствовать дома допоздна, а то и вообще оставалась ночевать у подруг. Водилась она с серьезными ребятами: один известный в городе боксер, два футболиста, но больше других Пологина занимал москвич, по словам сестры, сосланный сюда за тунеядство. Она же поведала, что Анатолий (так звали москвича) — сын директора киностудии имени Горького, и это он, папаша, скорее всего, поспособствовал отправке сынка в Сибирь, на перевоспитание. Кто кого в далеком сибирском городке воспитывал-перевоспитывал — вопрос, во всяком случае, проспект утюжили, прибывая числом день ото дня, местные ребята с прическами-коками, в алых рубахах апаш, брюках-дудочках и приталенных клетчатых пиджаках, все точь-в-точь как у отпрыска киномагната. Пологин таскал у сестры полупрозрачные пленки с костями, кучкуясь с друзьями из двора в отсутствие родителей на квартире у Мони, слушал на радиоле «Рекорд» буги-вуги и рок-н-ролл. Помимо просто друзей у сестры был на-

стоящий ухажер, мастер спорта, член сборной страны по бегу с барьерами. Он носил очки и вообще больше походил на заучившегося студента, никак не на спортсмена, да и звали его как-то не по-спортивному — Всеволод. Пологин не испытывал к нему никакой симпатии (то ли дело Толян из Москвы!) и однажды во дворе крикнул в спину тому: «Сева-дрищ!» Убежать от этого долговязого, думал Пологин, легко, но тот настиг удирающего в три прыжка. Подержал за шиворот, усмехнулся и зашагал прочь. Как ни быстр был Пологин, как ни уверен в своей быстроте, преодолеть полста метров в несколько секунд — что-то небывалое! И вправду мастер!

Потом у сестры был инженер с химкомбината (к тому времени она окончила техникум и распределилась на этот самый комбинат), шустрый крепыш маленького роста, вместе с которым они ездили агитбригадой по краю, ставили концерты перед тружениками села. Инженер был до того мал ростом, что олень на капоте его «Волги» смотрел ему в подбородок. Наверно, по его мнению, крупные предметы обихода компенсировали мелкий вид хозяина: «Волга», большая машина, редко у кого в то время бывшая в частном владении, пес его, огромный черный дог, если стоял рядом, мог положить голову хозяину на плечо. При всех шутках-прибаутках (он, сказывали, на сцене исполнял обязанности конферансье) Виссарион (замена Всеволоду достойная!), судя по всему, на комбинате был ценным специалистом и часто ездил за границу. Из одной такой поездки он привез старшему Пологину непомерного объема бутыль виски, а малому кока-колу, пачку сигарет «Филипп Моррис» в пластиковой коробке и болоньевый плащ, который убирался в чехольчик размером с ладошку.

Через некоторое время Виссариона отправили на строительство химического комбината в одну из соседних с Москвой областей, с ним отбыла и сестра. Вскоре у них там родилась дочь, и пологинские родители загрустили: вот где-то далеко сладкий цветочек, внучечка, а что им в этом чужом сибирском городе? Меньшой скоро школу закончит — и поминай как звали…

Школа досаждала обилием обязанностей, хотя среди изучаемых наук были для Пологина вполне сносные. Физика и биология.

— Нет, ты мне толком объясни, куда убегают электроны, — приставала сестра, вечная троечница, странно попавшая в химический техникум, не дотягивая по химии в школе и на «тройку».

— Еще не проходили! — бурчал Пологин и принимался листать учебник в нечитанных местах.

Биологию преподавала редкая дура. Это заключение не открытие Пологина, это знали все. Муж ее был большим начальником в городе, она всегда одевалась, как на выход, несла себя с гордостью и достоинством, голову держала прямо и неподвижно, будто там, на самой вершине прически возлежало что-то чрезмерно ценное, к примеру, бумаги, приносимые поутру мужу на подпись. Обсуждение причесок — это незыблемая часть урока, бывает, что разговор о них заходит не в самом начале, но это неважно. Французский пучок, ракушка, гламурный уличный шик — других названий Пологин не запомнил, но зато уяснил (со слов, понятное дело, биологини), что потратить полночи на постижение теории относительности Альберта Эйнштейна — это ни в какие ворота. Любили во время уроков биологии поговорить на отвлеченные темы.

Физик им достался из ученых. Отчего он покинул науку и подался в классы — никому в школе было не ведомо. Как всякий ученый, он больше думал, чем говорил и, очевидно, ждал того же от других. И всякий раз удивлялся, обнаруживая, что за молчанием учеников кроются вовсе не усиленные размышления над его предметом. Разочарованный, он повторял одно и то же:

— Существует не больше десятка физических законов, выдвинутых самой природой. Человек только описал их, сформулировал, все остальное — изыски прихотливого ума, варьянты!

Он отчетливо выделял: варьянты! Подумав, взмахивал рукой, мол, и это пустое, брал мел и размашисто накидывал на доске: $E=mc^2$.

— Можете выбросить из головы все остальное, запомните хотя бы главный закон физики — закон соотношения массы и энергии! На этом стоит все!

Была у Пологина и ученого физика некая взаимная симпатия, во всяком случае, когда учителю надоедала тупость класса, он вел пальцем по списку журнала и останавливался на букве «П». Троек по физике у Пологина не было. Только по физике.

Через подъезд от Пологиных жил друг и одноклассник Пологина-младшего Серега Машаров. Маленький, юркий, футболист от Бога (его несколько раз пытались заманить в группу подготовки мастеров), он принимал школу как досадную необходимость, книжкам предпочитал гитару и отчаянно ухаживал за Линой, сестрой будущего мэра города, а вообще-то ровесника Пологина. Лина была старше их на три года. Серегино ухаживание весь двор принимал всерьез, мало ли что дама старше — своя, дворовая. А за насмешку в их адрес, все знали, Серега запросто мог откусить ухо. Тот еще апач был!

Его родители не работали на котельном, отец заведовал промышленным отделом в краевой партийной газете. Очевидно, краевое начальство и отхлопотало Машаровым квартиру в заводском доме. А что, по теме — промышленность! Серегин отец был без ноги, на войне оторвало. Фронтовую передовую он продвинул в собственную квартиру и лупил всех, бывало, сразу, чаще — по очереди. Доставалось Сереге, старшему брату и мамаше, тихой лаборантке из технического института. Иногда Серега приносил на занятия бутылку портвейна и совращал алкоголем круглую отличницу Ирину. Они таились под лестницей, где технички прятали швабры и ведра. Удивительно, что их ни разу не застукали! Серегу в школе считали бабником.

Иногда они собирались в квартире у Машаровых: отец играл на балалайке, Серега на гитаре, а Пологин-младший на баяне. К последнему классу общеобразовательной школы он с невыразимым трудом окончил два с половиной музыкальной, и никакие меры воздействия не смогли заставить его продолжать обучение музыке. Отец, талантливый музыкант-самоучка, от бессилия и досады пытался выбросить яркого голосового окраса инструмент фабрики «Красный партизан» в окно, но мать отстояла и велела сыну отнести баян Машаровым со словами «Там музыку любят».

Как ни странно, не получив классического музыкального образования, Пологин-младший хватал на слух все застольные песни стариков, модные мелодийки из радио и с пластинок. Время парню досталось не то, иначе быть бы ему первым гостем на пиру да со свадебным рублем в кармане.

Играли они все больше фронтовые песни, которые, как правило, фронтовики слышали и слушали уже после войны. Иногда, правда, дело доходило до полонеза Огинского и даже до чардаша Монти, но заканчивали всегда на фронтовой ноте. Наступал момент — и Серегин отец резко вскакивал, подхватывал костыль и выгонял всех из квартиры. Даже ни в чем не повинную мать. Все знали, надо дать ему время испить чашу. Серега комментировал происходящее так:

— Вот щас поллитру заглотит — и хоть бы хны!

Война еще жила в каждом доме. Пологин-старший маялся животом из-за наспех заштопанного в прифронтовом госпитале кишечника, матери не могли сбить давление от чужого, сибирского климата, сестра, рожденная в блокадном Ленинграде, едва начала избавляться от малокровия. Часто летними ночами через раскрытые окна по двору разносились крики и стоны…

Вечерняя дворовая идиллия. Пологин и Моня разучивают аккорды на Серегиной гитаре, сам Серега играет в дыр-дыр (по-нынешнему мини-футбол) с малышней. Лина наблюдает со скамеечки, непривычно свободной от старушек. За столом для домино расположились отпускники, солидно сели: водка, пиво «Жигулевское», закуска из дома, не какие-нибудь плавленые сырки. Тогда еще не было у заводских людей садов и, соответственно, не было садоводов, еще не научились работяги ездить по курортам. Вот и отдыхают как могут. Пологинские родители, правда, сошлись с несколькими дворовыми семьями и по выходным выбираются пригородным поездом на берег речки Калманки. Но тут, ясно всякому: на баян всегда компания найдется. К этим случаям Пологин-младший притаскивает инструмент от Машаровых и торжественно вручает отцу. Правда, после возвращения родителей не забывает относить баян обратно, к Сереге… Леха Компот в закутке между разлапистым кленом и детсадовским забором запалил костерок и заваривает в литровой эмалированной кружке чифир. На его обгоревшей щеке блестит слеза. Может, от дыма, а может, красавица Зойка из отдела технического контроля инструментального цеха сказала ему что-нибудь неласковое. Зойка до беспамятства влюблена во вратаря заводской команды,

красавца и баламута Веньку Подгоруйского, а тот любит всех подряд без разбору. Сама детдомовская, Зойка жалела никому не нужного Леху Компота, раз даже сходила с ним в летний кинотеатр горсада, угощала пирожками собственного приготовления, иногда ходила с ним в заводскую столовку, а совсем недавно на день рождения подарила новую кепку, красивую, модную. Леха ее не носил, берег, как самое дорогое из своего имущества, и все не расставался со старой, затертой восьмиклинкой. Бедная одинокая душа! Он что-то, видать, напутал, начал принимать знаки внимания такой же одинокой души за нечто иное, непознанное…

Подошло время выпускных экзаменов в школе, а Серегины родители со старшим братом укатили к родне на Украину. В силу этого обстоятельства Пологин на все время экзаменов переехал жить к однокласснику. Дома сказал, что готовиться будут с утра до ночи. Время он обозначил верно, только учебники и билеты здесь были не при чем. Иногда «поучить» историю к ним приходила отличница Ирина, приносила портвейн. Деньги, оставленные Сереге на пропитание, так же, как и вложенные в кассу пологинские, закончились в первые три дня, и они были озадачены, кого бы еще, помимо Ирины, втянуть в их учебный процесс.

Прошло и это. Экзамены сдали все, кроме Галины Ярмольник, которой некстати подошло время рожать. На выпускном вечере ученый физик выпил лишнего и тряс за грудки Пологина.

— Как ты посмел сдать физику на тройку? Физику!!! Ты!!! Как?!

— Биография Резерфорда досталась, мать его!.. — лопотал Пологин. — Какой дурак учил бы это, тоже мне — физика!

Внезапно вернувшиеся Серегины родители (надо ж, угадали к утру после выпускного!) застали Пологина в постели с отличницей Ириной, Серегу в это время тошнило в туалете. Машаров-старший долго разглядывал лежащие в центре стола Иринин красный аттестат и золотую медаль, потом пошел на кухню и, не найдя водки, длинно и безыскусно матерился.

Пологин был расстроен и даже обескуражен тройкой по физике не меньше своего преподавателя и не пошел поступать ни на котлостроение, ни на энергетику, ни на вычислительную

технику. Взял и закинул документы на факультет под названием «технология переработки пищевых продуктов». Поступил, не зная еще, что его будущих сокурсников, как и его самого, будут звать в институте трипперочками. Ничего не поделаешь, созвучно — три П.

А потом были другие годы жизни. Или годы другой жизни? Понимайте как знаете…

Пологин окончил институт и поступил на службу в один из НИИ пищевой промышленности. Быстро пошел в рост по служебной лестнице. Иногда он тосковал по своему двору, по детству. Садился на автобус или трамвай (на машине ни в коем случае!), выходил на остановке «Октябрьская площадь» — и вот, через двести метров родной двор. Сначала он все надеялся увидеть хоть кого-нибудь из старых знакомых, но нет, не случилось. Внешне почти ничего не изменилось. Правда, появилась спортивная площадка на пустыре, где когда-то жили деды с коровой, но она, сколько ни ходил сюда Пологин, все время пустовала. Разглядывая свои бывшие окна, рамы в которых новые хозяева заменили на пластиковые, он поначалу, было, порывался подняться по подъездной лестнице, позвонить: кто там сейчас? Но железная дверь с кодовым замком всякий раз отпугивала. Красивые фонари чугунного литья стояли без плафонов, без проводов. Просто так стояли. Завершал свой обход Пологин в одном и том же месте, в улице, напротив окон директорской квартиры. Они все так же выделялись своими размерами и какой-то особенной ухоженностью. Так, во всяком случае, казалось Пологину. И однажды он как-то уж очень отчетливо понял: ему надлежит здесь жить!

Серега женился на Лине, оба они — она после института, а он после школы — пошли работать на родной котельный, где уже трудился старший брат Сереги Дмитрий Машаров. Лина работала в КБ, Серега — в арматурном цехе, там брат его был старшим мастером смены. Серега научил Лину, которая, как уже сказано, была старше его, пить красное дешевое вино, и очень скоро она стала делать это едва ли не усерднее мужа.

Моня уехал на историческую родину, и никто во дворе больше ничего о нем не слышал.

В общежитие завода все реже заселялись молодые специалисты, потому что потребность в них уменьшилась. Между тем, в местном техническом вузе жил-поживал факультет котлостроения. С некоторого времени в общежитии разрешили приватизировать жилплощадь, и оно начало терять свой первоначальный статус. Лехе Компоту было отказано в угле, он обретался на территории завода, сначала в литейке, где вполне сносно переживал зиму. Потом, когда литейку загасили, видели его в разных цехах, но как-то так, мельком. Потом… Никому не ведомо про это «потом». Возле дальней ограды завода в один из промозглых осенних дней кто-то подобрал старую кепку-восьмиклинку и такую же поношенную болоньевую куртку. За подкладку ее было запрятано новенькое кепи из итальянского твида.

Брат Лины стал мэром родного города. Кто бы сомневался! Он единственный за всю историю двора ездил во Всесоюзный пионерский лагерь Артек! Как-то к нему на прием напросился Венька Подгоруйский (как же, из одного двора, запасным вратарем у Веньки был!), к тому времени покинувший завод и перепробовавший все работы и должности, какие только в голову могут прийти. Бывший заводской сердцеед попросил у градоначальника кусочек городской земли в аренду.

— У меня родня на птицефабрике, полста верст отсюда, — охотно делился он с мэром, — они мне по себестоимости цыплят отгружать готовы. А я тут ларечек оборудую и нате вам — цыплята гриль! Всем хорошо!

Запасной вратарь многозначительно прошелся по своему кабинету, открыл дверцу шкафа.

— Вот, — протянул Веньке книжицу среднего формата, — это книга о моем жизненном пути. Не всем дарю, между прочим.

Одухотворенный Венька пожал протянутую руку и совсем осмелел.

— Власть — великая сила. — Окинул взглядом начальственный кабинет. — Поди, таких просителей, как я, по дюжине на день, ага? И борзыми щенками, поди, несут?

— Зачем щенками? —Мэр посмотрел на вратаря подчеркнуто строгим взглядом. — Можно и в конверте… Ты иди, я заму скажу.

Оказавшись за дверью, Венька будто из гипноза вынырнул: это он мне, что ли, взятку предложил дать? А чего он заму скажет? Ни адреса, ни телефона, ни места… Хотел было вернуться, но опытная секретарша встала на пути.

— Всего хорошего. У Владимира Николаевича начинается совещание.

Многие котельщики переехали в другие районы города, иные раскатились по стране и другим частям белого света. Уехали, едва дождавшись пенсии, и пологинские родители, обменяли свою квартиру на такую же двухкомнатную в городе, где жила сестра Пологина с мужем-коротышкой и уже двумя дочерями. В то, теперь уже далекое время у Пологина еще не было детей. Этот город, куда закинула их война, все время оставался для родителей чужим.

Одна из двух заводских труб, возвышающихся над городом, покосилась. Может, не стояли бы трубы рядом — и не был бы так заметен наклон. Дмитрий, старший сын Машаровых, думает, что вряд ли он первый увидел неладное, однако никаких разговоров на эту тему не слыхал. Из окна их квартиры на последнем этаже ничего примечательного до самого горизонта видно не было: крыши да эти вот две трубы, сложенные из красного кирпича. Взгляд его, быстро пробегающий городские постройки, каждый раз натыкается на них, скользит вверх до грибовидных нашлепок в завершении.

— Фаллос! — кривит губы Дмитрий и ему кажется это греческое слово куда более грязным, чем родное матерное замещение.

Он знал о фаллических мотивах, пришедших в храмовую архитектуру из Византии и Древнего Рима, но вот в трубах родного завода заподозрил сходство с мужским детородным органом недавно.

— Вот и все, что осталось от завода и прочего отечественного производства! — с мрачным торжеством сообщил он в пространство, ограниченное комнатными стенами.

С некоторых пор он, сменный мастер арматурного цеха, ходил на работу в силу привычки. Мог и не ходить вовсе. Начальник цеха утопал в хлопотах, никак не связанных с их обычным

производством. На бывшем участке мелкой штамповки наладили изготовление окон, дверей и паркетной плашки, в лаборатории и столовой под хозяйским доглядом начальника лепили пельмени.

— Это сегодня народу больше нужно, — объяснял он своему бестолковому мастеру и небрежно делал ручкой в сторону замерших станков, будто сметал их напрочь с тела земли. — Ты лучше это… подключайся!

Машаров упорствовал в своем нежелании подключаться и, конечно, как все упертые, оставался в проигрыше. Все дольше сидел возле своего окна без дела, часто — без денег. Скоро ему на пенсию, как-нибудь дотянут с женой и матерью.

— Досиделся! Труба поехала! — говорит он себе, будто в случившемся виновато именно его бесполезное сидение.

Машаров-старший ушел из газеты, пересидев лишка после пенсии аж десять лет. И то — уволился по собственному желанию.

— Отдел промышленности, — жестко выговаривал он, увольняясь, главному редактору, предложившему еще потерпеть-поработать, — без этой самой промышленности существовать не имеет права. Нонсенс! — И направив палец в лоб главному, спросил, обвиняя: — Куда вы ее подевали?!

С того дня Машаров-старший никуда из дому не выходил, музыкальных сходок не собирал (да и было ли с кем!?), пил по-серьезному, правда, не с утра, как большинство горьких пьяниц. За неделю до смерти перестал пить. Ни на что не жаловался, к врачам не ходил. Умер ночью, сидя за рабочим столом. Перед ним была развернута газета со статьей его лучшего ученика, который начал спиваться раньше своего учителя. Статья называлась «Запоет ли гудок заводской?»

Из двора каким-то удивительным образом исчезли дети. Исчезли футбол, песни под гитару, бои дом на дом, бокс, прятки — все исчезло. Никого — ни шести-, ни десяти-, ни пятнадцатилетних. И не услышать из распахнутого окна — хоть неделю, хоть две вострии ухо:

— Витька! Быстро домой! В школу опоздаешь!

— Сережка! Обед давно на столе!

— Юрка! Я вот матери расскажу, что ты материшься!..

Будто, разом сговорившись в какой-то день Х, женщины перестали рожать!

Но это ж не так! Вон по весне сколько беременных появляется на проспекте! Цветы! Будто специально дожидались тепла, чтобы раскрыть свои бутоны. А то и так: один на руках у мамы, другой на закорках у родителя, а третий важно отдыхает в коляске… Нет, мир не перестал множиться, просто произошел сбой в отдельно взятой территории. Только не спрашивайте меня, какова она по площади!

Жизнь несется с необъяснимой скоростью. Когда-то влюбленный в физику Пологин думал о том, что транспорт за каких-нибудь два с небольшим столетия прошел путь от телеги с конем до космических кораблей. А что такое два столетия?! Тьфу — и на истории страны и мира от этого плевка и воспоминания не останется. Пологину не хотелось в вечность, то есть он не задумывался об этом, но старался жить с заглядом на завтра.

Когда родители покидали его родной город, они взяли с него слово, что он со временем (чем скорее, тем лучше!) переедет к ним, и тогда вся семья вновь воссоединится… Однако у него даже в отдаленных мыслях не было желания уезжать отсюда. Заочная аспирантура, одна защита, вторая… Собственное жилье он приобрел, особенно не напрягаясь, зарабатывал к тому времени хорошо. У института постоянно были выгодные контракты, в том числе и с предприятиями, которые находились за пределами Сибири.

— Как-никак — пищевка, — говорил он жене, пугающейся у телевизора за детей, за себя и вообще — за завтра. А про себя посмеивался над своими товарищами по институту, технарями: ага, трипперочки!

Да, уже была жена Люба, удивительно покладистая, хозяйственная и доброжелательная. Может, не красавица, но это кому как. Были две девочки — Аня и Аля с разницей в три с небольшим года. Обе удались, как говорится, ни в мать ни в отца (Пологин тоже не считался красавцем, хотя стать имел мужественную) — их с малых лет приглашали на подиум демонстрировать детскую одежду.

Дмитрий Машаров подолгу ходил вокруг покосившейся трубы, разглядывал кладку, площадку у основания. Никаких трещин, провалов, других изменений не обнаруживал. Скорее всего, грунт под бетонным покрытием просел, образовав пустоты где-то в глубине. Со временем они могут выйти на поверхность и тогда… А может, и не выйдут. В таком положении труба и останется. Как известная Пизанская башня. Впрочем, та, по оценкам некоторых специалистов, неумолимо клонится к земле. Хотя и медленно. Тут же он вспомнил, что в их городе живет инженер Страздин, разработавший лучший в мире проект спасения этой самой башни в итальянском городе Пизе. «Надо же, — с удивлением отмечал Машаров, — весь мир трудился над проблемой, а лучше всех получилось у инженера из заштатного сибирского городка». Однако не слышно, чтобы кто-то пригласил инженера Страздина лететь в Пизу и срочно поднимать башню. Придумал — молодец! А башня… Пускай себе падает, если ей на роду написано…

Машаров отошел от трубы, подумал, что не пойдет знакомиться с инженером Страздиным, и стал считать дни до пенсии.

На следующий день убили его младшего брата Серегу. Тот давно уже не работал, потому что его рабочее место стало ненужным, как, впрочем, и многое другое. Серега исправно ходил на завод, играл там в карты. Пили, конечно, а, как известно, серьезные картежники, садясь играть, не пьют. Это в кино любят показывать казино с рюмочками… С Серегой играли серьезные и напоили со знанием дела. А потом избили и бросили под тяжелый самосвал… Лина ходила по двору от дома к дому, звонила в квартиры — никого не нашла. Хоронили Серегу она с братом Дмитрием и шестеро рабочих из цеха.

Пологин — директор института, академик, автор серьезных научных исследований, участник множества международных конгрессов и выставок. Помимо того, по оценкам отечественных да и зарубежных коллег, современный, успешный топ-менеджер. Живет он с семьей в той самой четырехкомнатной директорской квартире. Правда, перед ним жилплощадь занимал уже не директор, а ректор института, который оканчивал Пологин.

Еще несколько лет назад Пологину казалось, что жизнь пролетает стремительной птицей. Вскоре она сорвалась с высоты и ринулась камнем.

В одночасье какая-то странная болезнь сожгла старшую дочь Аню. Двоих ее дочерей (отец их давно растворился в необъятных просторах отечества) Пологины забрали к себе. Он боялся за Любу, ее трепетная душа отозвалась на смерть дочери неутолимой печалью и горечью. Но надеялся, что за внучками, за их школьными слезами и восторгами она оттает, отойдет. Однако не зря боялся Пологин, совсем не намного пережила жена свою Аню, не справилась с собой, со своей болью.

Младшую, Алю, уехавшую сразу после замужества в Питер, на помощь не позовешь, она взялась рожать как бы в ответ за всю слабеющую на потомство территорию. Один, второй, третий, четвертый, гляди, на подходе… Со своими бы управиться.

В чем повезло — девчонки росли ответственными, серьезными, насколько мог Создатель положить серьезности двум привлекательным, голубоглазым непоседам, которых и перед школой и вечерами у подъезда поджидали ухажеры-одноклассники. А понимали — Пологин это чувствовал — деду никак нельзя усложнять жизнь, с него и без того хватает.

И институт пошатнулся. Может, оттого что Пологин в силу своего отвлечения на семью меньше перестал уделять внимания делам. Да и возраст как-никак. А самое главное — уволился его заместитель, хоть и молодой, но надежный во всем, что касается институтских связей, договорных работ. Однажды после какого-то незначительного разбора незначительной же, на взгляд Пологина, ситуации он встал, оттолкнулся обеими руками от стола, будто придавая себе ускорение, и сказал жестко:

— Да сидите вы тут все в этой тухлой яме хоть до второго пришествия!

И отбыл, не сообщив куда. Потом уже Пологину донесли: в столицу.

Старшая внучка Полина окончила школу и поступила в университет учиться на юриста. С Пологиным ее будущая профессия не обсуждалась, куда захотела — туда и пошла. Проучившись два

года, вдруг взяла и перевелась в Москву, в МГУ. Пологина удивила легкость, с какой она осуществила этот перевод, а возражать он не стал: столица, масштаб, уровень…

И вот еще новость! Однажды вечером к Пологину заявилась семейная пара, отец и мать парня, с которым давно встречалась младшая внучка Настя. Он, кстати, учился с ней в одном классе. Ни договоренности, ни предварительного звонка, ни слова от Насти.

— Мы уезжаем в Испанию, — начал глава семейства, — вот пришли к вам просить… В общем, мы хотели бы взять Настю с собой… Только вы не торопитесь с отказом, у нас все продумано. Понимаете, мы с женой уезжаем навсегда, а дети потом сами пусть решают, куда идти после школы. Сейчас учиться везде можно, все доступно.

Он в нерешительности повернулся к жене, и та дополнила — по простоте душевной:

— Наш сказал, что без Насти не поедет.

— Не в этом дело! — муж ожег ее взглядом.

Пологин не дал ему договорить, выглянул в коридор.

— Настя!

Внучка вошла в комнату и не поздоровалась с гостями. «Виделись уже!» — отметил про себя Пологин.

— Это так задумано, что я узнаю обо всем последним? — спросил, стараясь смягчить тон.

— А я согласия не давала, — нисколько не робея, ответила внучка. — И без тебя, дед, не дам. Как я понимаю, все еще на стадии обсуждения.

В комнате повисла тишина. Пологину пришла в голову именно эта фраза из множества романов. Он усмехнулся, прислушиваясь к себе, никакого отзвука не обнаружил, только противное щемление в области сердца.

— Давайте так, — молвил, стараясь быть рассудочным. — Мы сейчас с Настей вдвоем обговорим ваше предложение, взвесим все за и против…

Гости, подталкивая друг друга, заторопились к выходу. Вид у них был, будто они сбегают из ресторана, не расплатившись.

Говорили долго, но Пологин все для себя решил, когда

на середине разговора выяснилось, что Настя уже полгода усиленно изучает испанский.

Спустя два месяца после отъезда младшей внучки Пологин завел себе кота. Подобрал на улице рыжего и беспородного. Он много уже чего знал из серьезных наук, когда открыл, что у кошек бывают породы, может, потому ему было наплевать на родословную беспризорника. Рыжий освоился быстро и своим углом считал все четыре комнаты в огромной квартире. Правда, нужду справлял в специальный лоток.

Вечерами Пологин ходил подышать во двор и втайне все надеялся увидеть кого-нибудь из старых знакомых. Людей встречал много, и пожилые были среди них, но вот знакомых не попадалось. Он обходил по порядку номеров котлозаводские дома, отмечал все возрастающее количество машин под окнами, считал фонари с шишечками и пустыми глазницами, их было, как и прежде, тринадцать. Столько металла пропадает! — думал иногда и тут же одергивал себя: а свезут — что здесь останется родного, кроме каменных стен? Но, как ни странно, оставался прежний детский садик и все та же беседка на его игровой площадке. Пологин замирал возле ограждения, и голос в нем поднимался: да это же все не так, все не со мной, все из других жизней, поскольку свою я помнить не могу! Я же ударился головой, и мне навсегда отшибло память! Вот только — Серега, Леха Компот, Моня, Лина, мама с папой, сестра — и все. Все! Больше никого и ничего!..

По выходным он гулял по городу и однажды заглянул на площадь, где в субботу разворачивался местный блошиный рынок. Книги, монеты, марки, значки, фарфор и прочие, порой неожиданные мелочи. И вдруг он увидел баян. «Мой!» — сразу же узнал инструмент фабрики «Красный партизан». Подошел ближе, чтобы удостовериться. На басовой ноте «до» отец сделал насечку в виде крестика, чтобы палец легче и быстрее находил эту кнопку. Точно, вот он, крестик!

— Братец! — обратился Пологин к личности помятого вида и неопределенного возраста. — Откуда у тебя этот инструмент?

— От брательника. Помер вот, гармония не нужна стала. Кому играть-то?

— А брат, он…

— А брательник, — не дослушала личность Пологина, — вором был. Где спер — откудова мне знать?

«Купить!» — торкнуло Пологина. И тут же: и что, сяду, сам себя развлекать буду? Ноты вспоминать, аккорды… Зачем? И снова: купить! Зачем? Душу рвать? Купить!..

Так, в терзаниях обошел он площадь на три круга, увел себя за пределы ее, и вдруг — точно по темени кто пришлепнул. Да что ж это я! Люди вон дурацкие фотографии по стенам развешивают, близких вспоминают и далеких… Вот возьму, поставлю его на тумбочку — и пускай просто стоит себе, партизан ты мой!

Личность исчезла, как и не было. Соседи сказали: ушел. Баян? С собой унес. Кто ж знает, где его искать, здесь адресами не принято обмениваться. Может, придет в следующую субботу. А может, не придет.

Врачи указали на плохую работу сосудов, церебральные нарушения, увеличенный левый желудочек сердца, тахикардию… Навыписывали таблеток, посоветовали больше ходить. Выкупил таблетки, развернул аннотации: при болезни Альцгеймера, старческой деменции…

— Ну вот, дожился! — сказал коту. — Лучше гулять, правильно?

И тут же ужаснулся внезапно возникшей мысли. Пару месяцев назад хоронили ушедшего на пенсию их сотрудника. Тот жил бобылем, и хватились его сколько-то дней спустя после смерти. Хоронили в закрытом гробу, а всезнающие бабки-тетки шептали, будто кот с голодухи съел часть хозяина. Пологин тогда не поверил, но нынче, сидя над горой таблеток, почувствовал себя уязвимым, беззащитным.

Вот и родная Октябрьская площадь. Обход ее Пологин обычно начинает от Дома культуры профтехобразования. Что там сейчас — непонятно, но что-то весьма далекое от культуры. Следом — по кругу — школа, в которой учился Пологин. Ее давно уж нет, на этом месте который год возводится здание художественного музея. Замахнулись на крупный объект, да денег в казне не хватило. Снаружи здание почти готово, два его крыла, расходящиеся лучами в разные улицы, по отдельности напоминают казематы.

Впрочем, первоначально, как гласит история, здесь и была тюрьма. Перед недостроенным музеем памятник «Сеятель», представляющий собой мужика в лаптях, разбрасывающего хлебное семя. Рядом девочка, по масштабу не вписывающаяся в ансамбль, очевидно, у автора завалялась в остатках, не пропадать же добру! Памятник поставили на месте скульптуры, являющей вождя пролетариата. Тот монумент «возвысил» местный знаменитый в свое время поэт звучной строкой: «На площади Октябрьской Ленин стоит с протянутой рукой!» Убрали Владимира Ильича и не подумали: площадь-то осталась Октябрьской! Что ж без вождя-то! На постаменте «Сеятеля» начертано: «Переселенцам на Алтай». «Надо бы, — думает Пологин, — переселенцам с Алтая. Самое время. И обелиск».

Затем жилой дом, а следом новый театр, расположившийся в здании Дома культуры меланжевого комбината. Комбинат не в полную мощность, но работает, гонит ткань, из которой нынче шьют одежду для военных, рыбаков, садоводов и ВОХРовцев. Но вот Дома культуры у меланжевого не стало, как не стало у котельного, у шинного и других заводов, которых, собственно, тоже уже почти нет. Или совсем нет. Впрочем, наличествуют другие примеры: завод исчез — а Дом культуры остался… Театр на площади Октября появился благодаря стараниям известного столичного актера родом с Алтая. Молодец земляк! Дальше дом, где первый этаж служит запасником для экспонатов художественного музея. Когда-то, сразу после сдачи дома, здесь было кафе-мороженое «Снежинка», первое такое заведение в городе, что давало горожанам понять: мы приближаемся к Европе! Студенты, старшеклассники ходили сюда за мороженым в разноцветных шариках, бывали здесь и солидные люди. Пологину запомнились поэты, которые вечерами громко — для всех! — читали стихи, а над ними всегда посмеивался дядя Боря, бывший актер столичного Таировского театра, эвакуированного сюда в войну. Театр уехал, дядя Боря остался и был большим человеком в маленьком провинциальном театре маленького провинциального города… И кому ж это помешало кафе-мороженое, стоящее в стороне от борьбы с алкоголем, от кризисов перепроизводства и производства, любимое всеми и доступное всем?

Замыкает круг символ и гордость города — гастроном под шпилем. Именно здесь, в этом гастрономе, Пологины покупали для стола все: от крупы и консервов до печенюшек и водки к празднику. А младшие жители двора бегали сюда пить тот самый, ярко-красный, неповторимого вкуса томатный сок. Сейчас здесь несколько магазинчиков — предметов интерьера, модный дамский салон, лавка антикварных товаров, салон осветительных приборов. Дом небывалой красоты, первый в ряду тех, благодаря которым город сравнивают по архитектуре с Питером. Честно сказать, не без оснований. На углу со стороны площади памятная табличка, сообщающая, что здание построено по проекту архитектора Додица Ф. К. Все знают, что имя архитектора Додица, создавшего проект гастронома под шпилем, Яков Николаевич, но ошибку исправлять не торопятся — тоже своего рода антиквариат.

Мальчик лет шести азиатской наружности, чумазый тащит по тротуару два огромных и, судя по всему, тяжелых тюка. Что там в них — не разобрать, очевидно, что-то нужное. Он взмок, закусил губенку и всем своим видом показывает, что ноша для него непосильна. «Мальчик!» — едва не вылетело из Пологина. Он хотел, было, предложить — давай помогу, но остановила мысль: а вдруг украл!? И тут же ему что-то подсказало: этого мальчика — этих мальчиков — таких мальчиков — он видит на улицах города каждый день! Их много, они прибывают и множатся!

Пологин завернул в свой двор. Вечерело. Он пошел привычным маршрутом от фонаря к фонарю. Почему-то лишь теперь пришло в голову: они, фонари эти, расставлены так, что начинают и замыкают собой некую линию, очерчивающую территорию двора, проходящую мимо каждого из котлозаводских домов. «Их тринадцать, — уточнил про себя Пологин, — по числу апостолов плюс один лишний. Всегда бывает один лишний», — дополнил он свою мысль. И тут подумал, что, возможно, фонари передвигаются, то есть в отсутствие людей меняются местами: один проходит вперед до следующего и встает на его место, а тот занимает место впереди стоящего. И так по всему кругу. Ведь никто не проверял и не собирался этого делать: тот ли фо-

нарь на своем месте или другой? «Надо будет один какой-нибудь пометить! — воодушевился Пологин. — У меня дома где-то мелок завалялся, вот возьму и поставлю крестик, как папа тогда, давно — на баянной кнопке… Да нет же никакого сомнения в том, что они перемещаются, ходят. Должно, просто обязано быть движение на этой обезлюдевшей территории!..»

Перед тем как пойти домой, Пологин вышел в боковую улицу, где в детстве подолгу стоял, разглядывая чужие окна. Теперь — его собственные.

— Я жизнь положил, — вдруг вскричал он, не боясь быть услышанным прохожими, больно крикнул, обиженно, — чтобы заполучить эту квартиру! И что? Она у меня есть! Зато больше — ни-че-го! Ни-ко-го! У меня сегодня день рождения! А меня скоро кот сожрет! Слышите? Да, знайте все! Меня сожрет кот!..

Так же быстро, как вспыхнул, он успокоился, усилием заставил себя замолчать.

Подходя к заветному месту, Пологин обратил внимание, что свет уходящего дня ярко пылает в соседских окнах. «Световозвратные стекла! — догадался он. — И когда только успели поменять? И главное — зачем?» Но вот еще шаг, другой — и его окно явилось взгляду столь же ярко светящимся! Что это? Пологин сделал еще несколько шагов, чтобы окно оказалось у него в прямой видимости. И понял. Окно наполнено светом изнутри! Нет, не мог он оставить свет! Чего ради? Уходил из дома средь бела дня, все проверил по напоминалке перед входом: газ, вода, свет… И тут вдруг он заоглядывался, сжался: не видит ли кто, не слышит? И тихо-тихо, одним едва заметным движение губ вымолвил:

— Девочки!

Когда праздничный ужин закончился и девочки разошлись по своим углам, Пологин подошел к окну, выходящему во двор. Долго вглядывался в темноту, которая к концу лета день ото дня становилась все непроглядней.

— Ну! — произнес он, вдавливая звуки в заоконное пространство. — Ну же, ребята! Первый пошел!

И в сгустившемся мраке что-то едва различимое, неопределенное в границах и плотности колыхнулось, двинулось.